УДК 811.161.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОИЗВОДНЫХ ОЦЕНОЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА КАК ВЫРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЯЗЫКОВОГО КОДА

[1]Нагель О.В., [2]Кокшарова Н.Ф.

[1]Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, e-mail: olga.nagel2012@yandex.ru;
[2]Томский политехнический университет, Томск, e-mail: nkoksharova@yandex.ru

Словообразовательная система русского языка является одним из самых сложных аспектов изучения для зарубежных студентов-русистов, что связано с тем, что для русской культуры словообразовательная система выступает культурным кодом концептуализации и отражения действительности. В данном исследовании авторы изучают роль словообразовательных механизмов (а именно суффиксации) для носителя русского языка при выражении межличностной оценки и при установлении социальных отношений. На примере интерпретационного анализа синкретичного производного ворчун, с привлечением его английских эквивалентов, в статье акцентируется внимание на важности формирования словообразовательной компетенции при изучении как родного, так и иностранного языков.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, словообразовательные механизмы, культурный код, синкретичные производные, межличностная оценка

THE USE OF DERIVATIVE EVALUATIVE NAMES AS MANIFESTATION OF CULTURAL LANGUAGE CODE

[1]Nagel O.V., [2]Koksharova N.F.

[1]National Research Tomsk State University, Tomsk, e-mail: olga.nagel2012@yandex.ru;
[2]Tomsk Polytechnic University, Tomsk, e-mail: nkoksharova@yandex.ru

The Russian language word-building system is one of the most challenging aspects for foreign students studying Russian. First and foremost it is conditioned by the fact that the Russian word-building system acts as a cultural code used by native Russian speakers to conceptualize and reflect reality. In their research the authors study how the word-building mechanisms (suffixation in particular) help a Russian-language speaker express interpersonal evaluation and, consequently, establish social relations. The authors provide the interpretative analysis of the Russian syncretic derivative vorchun and its English equivalents and emphasize the significance of linguistic (word-building) competence development in studying both native and foreign languages.

Keywords: cross-cultural communication, word-building mechanisms, cultural code, syncretic derivatives, interpersonal evaluation

Характерной чертой коммуникативной деятельности людей является ее мультимодальность, многомерность и многофункциональность. Прежде всего, это обусловлено самой природой социального поведения человека, которая ориентирует его согласовывать свое поведение с поведением других людей. Социализация определяет стремление человека к подражанию, чтобы соответствовать определенному сообществу. Человек стремится быть признанным и соответствовать требуемым стандартам [1]. Социальная ориентированность поведения определяет коммуникативные стратегии, которыми пользуется индивид в пределах определенной социальной культуры. В свою очередь, коммуникативная деятельность в рамках межкультурного пространства определяется национальными различиями, которые, прежде всего, складываются в процессе формирования каждой этнической группы. Язык, наряду с образованием, воспитанием, традициями и обычаями, является инструментом, который вырабатывает и фиксирует систему ориентиров, помогающих людям успешно социализироваться и функционировать в обществе. Существуют культуры, где больше внимания уделяется содержанию сообщения и превалирует когнитивный стиль общения [2]. Для других же наиболее важным представляется то, как оформлено сообщение. В данном аспекте интерес представляет классификация деловых культур, предложенная американским антропологом Э. Холлом, который сравнивает деловые культуры в зависимости от их отношения к контексту и выделяет высоко-контекстуальные и низко-контекстуальные культуры [3]. Несмотря на то, что классификация была предложена для деловых культур, она активно применяется и при описании этнических культур вообще. То, является ли культура высоко- или низко-контекстуальной, определяет форму вербализации мысли, характерной для представителей этих культур. В рамках высоко-контекстуальной культуры контекст коммуникации (участники, их статус, психологическое состояние, обстановка, тема и т.д.) будет определять способ вербализации мысли. В целом, как утверждает Ева Кларк, языки незначительно отличаются тем, как они кодируют дей-

ствительность, так как в их задачу входит лишь активация идей и предложение схематических карт событий. При этом грамматические и лексические варианты в каждом языке по-разному отражают различные аспекты концептуальных категорий. Слова в каждом конкретном языке акцентируют лишь отдельные элементы категорий, оставляя другие без внимания [4].

Специфика межличностных контактов в процессе межкультурной коммуникации в настоящее время заключается в том, что участники коммуникации ориентированы, прежде всего, не на идентифицирующее, а интерпретационное общение. Другими словами, то, как выражена мысль (какими языковыми средствами) представляется не менее важным, чем то, что имеет ввиду Говорящий. Таким образом, природа и форма используемого языкового знака являются семантически значимыми компонентами для эффективной межкультурной коммуникации. Если использовать культурнообразующие факторы для объяснения существования системных языковых отличий (синтетизм vs. аналитизм) в разных лингвокультурах, то развитая система словообразовательных категорий в славянских языках может свидетельствовать о высококонтекстуальной направленности славянской культуры. Производный знак является идеальным инструментом краткой, но в тоже время семантически максимально концентрированной, дескрипции реальности. Свернутость семантического содержания в ёмком производном языковом знаке расширяет границы его контекстуального прочтения. Таким образом, морфологическая деривация является одним из примеров реализации культурного кода в языке. Исследование в области морфологической деривации с акцентом на упаковку мысли в производный знак рассматривается как исследование культурно-ориентированного поведения Говорящего.

Авторы данного исследования утверждают, что при изучении русского языка особое внимание следует уделять развитию словообразовательной компетенции обучающихся, проявляющейся в способности осуществлять процесс инференции семантического наполнения производного знака. На примере анализа русского оценочного суффиксального производного имени синкретичной семантики (выражающейся в совмещении номинативной и оценочной функции) и его английских эквивалентов подчеркивается актуальность правильной интерпретации семантики производного имени для осуществления эффективной коммуникации.

Методологические основания исследования

Актуальные аспекты преподавания словообразования. В лингводидактической литературе в настоящее время активно обсуждается вопрос о преподавании словообразования. Отмечается, что для эффективного преподавания словообразования необходимо опираться на результаты междисциплинарных исследований в области лингвистики, методики, психолингвистики, когнитивистики и лингвокультуроведения.

Л.В. Красильникова, исследуя формирование словообразовательной компетенции филолога-лингвиста, заявляет о том, что словообразовательный компонент языковой компетенции участвует в формировании и развитии коммуникативной компетенции иностранных учащихся-филологов [5]. Евсеева И.В. и Пономарева Е.А. предлагают преподавать русский язык иностранцам посредством изучения толково-словообразовательных гнезд (ТСГ), утверждая, что: «Анализ дериватов ТСГ в процессе обучения языку позволит не только познакомиться с целым спектром производных слов, образованных от одной единицы, но и проследить, какими смысловыми отношениями объединены эти слова, а также выявить лакуны – потенциальные слова, которые отсутствуют в языке…». Вышеуказанные авторы особо подчеркивают важность лингвокреативной (языкотворческой) деятельности обучающихся в обучении словообразовательным законам языка [6]. Л.Л. Присная и О.Н. Рукавицына говорят о роли продуктивного словообразования в формировании языковой компетенции учащихся и отмечают: «Обучение детей продуктивному словообразованию продиктовано временем, поскольку обучающийся нуждается в обобщениях, а именно обобщение результатов словообразовательного процесса содержится в словообразовательном типе, и еще более в модели» [7]. Исследователи Северин Касали и Паскаль Коле также заявляют о необходимости исследования влияния обучения словообразования на когнитивное развитие вообще, и способности к чтению, в частности. На материале французского языка они доказывают высокую эффективность обучения фонологическим и словообразовательным законам при обучении чтению [8].

Многие исследователи рассматривают словообразовательные механизмы как порождающие среды, как системы фиксации особых структур знания [9, 10, 11, 12, 13], которые характеризуют представителей определенной культуры. В данных работах также подчеркивается значимость препо-

давания словообразовательной структуры языка не только в репродуктивном (как система морфем и правил их соединения), но в продуктивном (как система, обеспечивающая познавательную деятельность человека и формирующая языковую картину мира) аспектах.

Культурный код оценки в русской словообразовательной системе языке. Если обратиться к способам языкового выражения оценки и эмоций в русском языке, то может показаться, что есть некоторая непоследовательность в утверждении того, что русская культура принадлежит, как говорилось выше, к культурам высоко-контекстуального типа, для которой не характерна языковая экспликация всех смыслов. Для русских людей вербальное выражение оценки и эмоций относится к одной из основных функций человеческой речи, для русских важна именно выраженная в словах оценка. По мнению ряда исследователей (Э. Сепир, А. Вежбицка, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Н.А. Лукьянова, В.Н. Телия, С.С. Хидекель и т.д.), русский характер отличается высокой склонностью к моралистике, что объясняет такое обилие оценочной лексики. В русском языке все три сферы словообразования (мутационная, синтаксическая и модификационная) связаны не только с логическим мышлением, но и с другими сферами сознания, в том числе и с эмоциональной. Такой синкретизм словообразовательной семантики, т.е. ее ориентация как на выражение диктумных, так и модусных смыслов, с акцентом на эмоциональную составляющую, может рассматриваться как культурный код оценочного поведения в русской лингвокультуре. Разнообразие словообразовательных средств для выражения оценки и их активное использование свидетельствует в пользу высокой контекстуальности русской культуры, так как словообразовательные средства позволяют носителю русского языка не выражать оценку дискретно, а упаковать ее в производную единицу. В таком случае лишь ситуационный и языковой контексты способны актуализировать и квалифицировать оценочный знак. В данном аспекте наиболее изученными являются уменьшительно-ласкательные (диминутивы) [14, 15] и усилительно-увеличительные (аугментативы) словообразовательные модификации с оценкой [16]. Фокусом данного исследования выступают словообразовательные типы синкретичной сферы русского суффиксального словообразования.

Зона синкретичного словообразования. Рассматривая семантические свойства всей совокупности способов словообразования и всех видов формантов, исследователи отмечают множество случаев одновременного выражения модификационных и мутационных, транспозиционных и модификационных или мутационных значений [17]. В данной работе под синкретичной зоной мы понимаем зону перехода между мутационной и модификационной сферами словообразования. Формирование деривационно-ономасиологических категорий в данной зоне характеризуется сложным сочетанием собственно номинативных функций акта деривации (мутация) с функциями выражения объективной (по общеустановленным, устоявшимся в языковом коллективе критериям) и субъективной оценки явлений действительности (модификация). В синкретичном производном совмещаются объективные и субъективные аспекты номинации. Субъективные смыслы, наряду с объективными, представляются актуальными в структуре СЗ, что доказывается их контекстной значимостью и согласованностью с модальными смыслами высказывания, выраженных разными способами [18]. В рамках синкретичной зоны мы выделяем следующие словообразовательные типы: 1) отглагольные с суффиксами: -ун, -ок, ач, -ух(а), -к(а), -ец, ул(я), -ш(а) – уш(а), -ох(а) – ах(а), -яг(а), -ак (а), -л(а), -уг(а); 2) отадъективные с суффиксами -ак, -ач, -к(а), -ух(а), -ец, -уш(а), -ышк(а), -иш, аг(а), -уг(а), ук(а), -ул(я); 3) отсубстантивные с суффиксами: -ач, -ан, -яг(а), -ун, -юх(а), -юш(а). Необходимо отметить, что производные данных словообразовательных типов характеризуются разговорной и просторечной стилистической окраской употребления [19]. Большинство данных производных имеют достаточно низкую частотность употребления (~ 1.5 ipm) [20], но данные словообразовательные модели являются базовыми и продуктивно осваиваются в детском возрасте, что подтверждается данными словаря детских словообразовательных инноваций [21]. Словообразовательная модель гл +суф. –ун является одной из самых продуктивных моделей для детских новообразований (бежун, друнья, качунья, крадун, мечтунья, обзун, писун, плакун, поездун, полетун, ползун, спун) для именований лица.

Специфика называния лица русским синкретичным производным именем

Материал и процедура исследования. Материалом для анализа в данном исследовании послужило синкретичное производное имя ворчун (Прим. Выбор именно этого производного имени для анализа мотивирован, во-первых, как уже было отмечено, распространенностью словообразовательной моде-

ли и, во-вторых, специфичностью перевода данного имени на английский язык, о котором речь пойдет далее). По частотному словарю индекс частотности для данного производного имени составляет ~ 1.5 ipm [20], для мотивирующей единицы ворчать ~10.6 ipm [20], что является достаточно высоким индексом для слов разговорного стиля.

Для выявления специфики называния лица русским синкретичным производным именем ворчун предлагается следующая процедура:

1. Выявление пропозиционального наполнения: анализ дефиниций производного имени по толковым словарям и представление мотивационной формулы семантики производного имени.

2. Проведение лингвистического эксперимента на проверку актуальности выделенных пропозициональных смыслов в метаязыковом сознании носителя русского языка.

3. Сопоставительный анализ семантики производного имени с его английскими эквивалентами по материалу словарей и корпусных данных.

Результаты. Используя данные толковых словарей, были выделены ключевые семантические характеристики производного имени ворчун: «Ворчун – Тот, кто имеет обыкновение ворчать (1); брюзга» [22]. «Ворчать – Говорить раздражительным тоном, негромко и неотчетливо, выражая неудовольствие, досаду и т.п.; брюзжать (о человеке)» [23].

На основе словарных данных мотивационная формула синкретичного производного ворчун может быть представлена следующим образом: «Некто S2 полагает, что S1 ворчит P, при этом P=//=N (M1ql), так как он делает это часто – «имеет обыкновение»; ворчать – «говорить раздражительным тоном, негромко и неотчетливо, выражая неудовольствие, досаду», что является отрицательным отклонением от нормы следовательно, ворчун P'>N (M2qn) => и это вызывает реакцию (M3), в данном случае в спектре от «неодобрительного» до «презрительного», где S2 – субъект оценки, S1 – объект оценки, P – предикат характеризующего суждения, N – социальная норма, P' – преобразованный предикат в процессе словообразовательного акта, M1 – модус оценки, содержащийся в семантике производящей единицы, M2 – модус оценки, перенесенный от мотивирующей единицы в процессе словообразовательного механизма, M3 – эмотивный модус как реакция на модус оценки M2, ql-определяет качественное отклонение, qn-определяет количественное отклонение.

В результате проведенного лингвистического эксперимента, в рамках которого информантам предлагалось описать значение синкретичных производных [24], было выявлено, что благодаря развитой способности инференции, у носителя русского языка не вызывает затруднений эксплицировать предложенную выше мотивационную формулу производного имени.

При обращении к английским эквивалентам производного имени ворчун оказалось, что большинство on-line словарей [25, 22, 26] предлагают английское суффиксальное производное имя grumbler как первый вариант перевода. Данное слово образовано по одной из самых продуктивных моделей английского словообразования Verb+ suffix –er, которая по функционалу ближе русским мутационным моделям Глагол + суффикс – тель (учитель – teacher), Глагол + суффикс –ор (танцор – dancer)и не характеризуется субъективной оценочностью. Субъективная оценка в данной модели наследуется от мотивирующей единицы to grumble: «complain about something in a bad-tempered way»[26] (жаловаться на что-либо в недовольной манере).

Результаты анализа данных по контекстному употреблению производного имени grumbler в Корпусе современного американского языка [27] и Британском национальном корпусе [28] показали очень низкую частотность употребления данного производного имени для называния лица: 6 употреблений в Американском и 1 употребление в Британском национальном корпусе. В то время как для русского производного имени ворчун выявлено 70 употреблений на 85 996 документов [29].

Анализ данных параллельного подкорпуса русского национального корпуса [29] также не показал употребление производного имени grumbler. Для передачи русского производного имени ворчун в контексте был выявлен эквивалент grumps. Русское производное имя ворчун использовалось как эквивалент для следующих английских именований при переводе с английского языка на русский: fuddy-duddy, sorehead, that grump-like, how unkind of you, surly old man. Представленные английские именования лица характеризуются эксплицитной оценкой, выражающейся в стилистике оценочного слова (fuddy-duddy, sorehead) и открытой предикативной конструкцией (grump-like, how unkind of you, surly old man). Эксплицитный характер оценки проявляется также и в эквивалентах, которые выдает словарь Мультитран [26]: grumbler; fuddle; croaker; grouse; growler; carper; cough drop; crabstick; Frondeur; fuddy-duddy;

grizzler; grunter; sourbelly; sourface; crab; curmudgeon; griper; hunks; rater; crosspatch; crab-tree; crabber; grumbletonian; frumpish); killjoy;fuddy duddy; nagger, что говорит о низко-контекстуальном формате употребления данных единиц. При этом русский язык также обладает богатым арсеналом синонимов (большинство из которых также являются суффиксальными производными синкретичной зоны) слова ворчун, которые несут выраженную оценку в корневой семантике (брюзга, воркотун, колготун, брюзгун, скрипуха, бухтила, бухтило, шипун, воркун, скрипушник, губоня, брюзгач [31], но по частотности употребления они тяготеют к нулю [20].

Заключение

Таким образом, в результате проведенного анализа подтвердилась наше гипотеза о том, что использование суффиксальных производных синкретичной зоны русского словообразования является своего рода культурным кодом оценочного именования лица и важной характеристикой коммуникативного взаимодействия. Суффиксальные модели позволяют, с одной стороны, завуалировать прямую оценку, что является характеристикой высоко-контекстуальной культуры, с другой стороны, предоставляют семантические ключи (семантика основы, суффикса и их взаимодействия) для правильного прочтения отношения Говорящего (элементы низко-контекстуальной культуры). Специфичной чертой носителей русского языка являются базовые словообразовательные механизмы, обслуживающие когнитивную операцию вербализации оценки, сформированные в детстве. Несмотря на то, что английский язык также обладает определенным набором словообразовательных средств, внешне структурно соотнесенный эквивалент не покрывает весь набор заложенных смыслов в русском производном, как в семантическом, так и функциональном плане. В английском языке отмечается широкое использование не скрытых, а явных форм оценок (характеристика низко-контекстуальной культуры). Умение распознать закодированные смыслы в изучаемом языке и соотнести заложенные в них ценностные ориентиры с ориентирами родной культуры может способствовать успешной межкультурной коммуникации и более тесному социальному взаимодействию.

Список литературы

1. Ивин А.А. Основы социальной философии: Учебное пособие для вузов / А.А. Ивин. – М.: Высшая школа, 2005. – 439 с.

2. Багдасарова Н.А. Этнопсихологические детерминанты межкультурной коммуникации [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.А. Багдасарова. – М., 2004. – 22 с.

3. Hall E. T. Beyond Culture. Garden City, NY: Doubleday. – 320 p.

4. Clark, E. How language acquisition builds on cognitive development//Trends in Cognitive Sciences Vol.8, No.10, Language and Conceptual Development series. pp. 472– 478.

5. Красильникова Л.В. Формирование словообразовательной компетенции филолога-русиста (русский как иностранный) [Текст]: дис. …докт. пед. наук : 13.00.02 / Л.В. Красильникова; МГУ – М., 2012 – 453 с.

6. Евсеева И.В. и Пономарева Е.А. Преподавание русского языка иностранцам посредством изучения толково-словообразовательных гнезд [Электронный ресурс] / И.В. Евсеева, Е.А. Пономарёва // Современные проблемы науки и образования. – Электрон. журн. – 2013. – № 4 – Режим доступа: http://www.science-education.ru/110-9852

7. Присная О.Н. Рукавицына Л.Л. Роль продуктивного словообразования в формировании языковой компетенции учащихся [Электронный ресурс] / О.Н. Присная, Л.Л. Рукавицина // Вестник ШГПИ. – Электрон. журн. – 2014 – №4 – Режим доступа: http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2014/2014-4-31.pdf

8. Casalis S., Cole P. On the relationship between morphological and phonological awareness: Effects of training in kindergarten and in first-grade reading. //First language. Vol. 29(1). pp.113–142.

9. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

10. Араева Л.А. Языковая форма в аспекте естественной категоризации / Л.А. Араева // Актуальные проблемы современного словообразования: Труды международной научной конференции (г. Кемерово, 1-3 июля 2005г.). – Томск: Изд-во Том. Университета. С. 17-25.

11. Голев Н.Д. Словообразовательная система русского языка: в поисках функции и границ / Н.Д. Голев // Актуальные проблемы современного словообразования: Труды международной научной конференции (г. Кемерово, 1-3 июля 2005г.). – Томск: Изд-во Том. Университета. С. 37-41.

12. Резанова З.И. Когнитивно-функциональные исследования словообразования (обзор работ томских дериватологов) / З.И. Резанова //Актуальные проблемы современного словообразования: Труды международной научной конференции (г. Кемерово, 1-3 июля 2005 г.). – Томск: Изд-во Том. Университета. С.127-131.

13. Красильникова Л.В. Национально-культурный компонент семантики производного слова в аспекте РКИ / Л.В. Красильникова // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2010. – № 3. – С. 34-38.

14. Резанова З.И. Именная деминутивная деривация в механизмах выражения оценки / З.И. Резанова // Картины русского мира: Аксиология в языке и тексте. – 2005. – Томск, изд-во Том. ун-та. – С.194 – 231.

15. Протасова Е.Ю. Роль диминутивов в современном русском языке / Е.Ю. Протасова // Russian language: system and functioning. – Tartu, 2001. – С. 72-88.

16. Шейдаева С.Г. Категория субъективной оценки в русском языке [Текст]: автореф. дис. …д-ра филол. наук : 10.02.01 / С.Г. Шейдаева. – Нижний Новгород, 1998. – 42 с. – На правах рукоп.

17. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И.С. Улуханов. – М., 1996. – 221с.

18. Нагель О.В. Производное имя в рамках дискурсивного анализа / О.В. Нагель // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 297. – С. 50-56

19. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой / Академия наук СССР (АН СССР), Институт русского языка им. В.В. Виноградова (ИРЯ). – М.: Наука, 1980. Т. 1: Фоне-

тика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 1980. – 783 с.

20. Ляшевская О.Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). [Электронный ресурс] / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – Режим доступа: http://dict.ruslang.ru

21. Словарь детских словообразовательных инноваций / авт.-сост. С.Н. Цейтлин. – 2-е изд. – СПб.: Златоуст, 2006. – 202 с.

22. Иностранные языки для всех. Словари онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.classes.ru/dictionary-russian-english-Smirnitsky-term-5315.htm.

23. Энциклопедии и тематические словари онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://enc-dic.com.

24. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://translate.academic.ru.

25. Нагель О.В. Семантика производного имени как активатор метаязыкового сознания носителя русского языка / О.В. Нагель // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 2 (28) – С. 63–71.

26. Словарь «Мультитран» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.multitran.ru.

27. Corpus of Contemporary American English (COCA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://corpus.byu.edu/.

28. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.natcorp.ox.ac.uk/.

29. Словарь русских синонимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/.

УДК 81

О СТЕПЕНИ ВАРИАТИВНОСТИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА В СЛАВЯНСКИХ И РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Савенко А.С.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, e-mail: saven@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению явления вариативности внутренней формы слова с целью определить степень ее видоизменения как следствие полимотивации. В статье представлены результатымотивационно-сопоставительного анализавнутренней формы слова на материале тематических групп наименований птиц и растений славянских и романских языков. Актуальностьработы обусловлена необходимостью определения общности и специфики явления мотивации слов в неродственных языках, что до сих пор не подвергалось исследованию. В статье делаются выводы о многоаспектности осмысления орнитологической и фитонимической лексики носителями русского и английского языков, что приводитк высокой степени варьированиявнутренней формы слова, тогда как внутренняя форма французского, украинского и польского языков является более ясной и прозрачной.

Ключевые слова: сопоставительная мотивология, вариативность, внутренняя форма слова, психолингвистический эксперимент, сопоставительный анализ

VARIETY DEGREE OF INNER WORD FORM IN SLAVONIC AND ROMANIC LANGUAGES

Savenko A.S.

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, e-mail: saven@mail.ru

The article deals withexamination of inner word form's variety in order to define degree of its modification as a cause of polymotivation. The results of motivological and comparative analysis of inner word form on the material of thematic groups of birds and plants' names in Slavonic and Romanic languages are presented in the article. Research currency is conditioned on necessity of common and peculiar features' detection in unrelated languages that still was not an object of scientific researches. The article points to resume about polyvalenty of comprehension of ornithological and phytonimic vocabulary by native speakers of Russian and English, that is result in high degree of inner word form variety, whereas inner word form of French, Ukrainian and Polish is more clear and transparent.

Keywords: comparative motivology, variety, inner word form, psycholinguistical experiment, comparative analysis

Статья выполнена в русле сопоставительной мотивологии, изучающей лексическую систему двух или более языков (или форм одного языка) с точки зрения мотивированности методом сопоставления их друг с другом. Еще в середине 20 в. среди лингвистов сопоставительный метод исследования признавался определяющим для исследования лексического уровня языка. Так, например, по словам Ст. Ульмана, «сопоставление одного языка с другими языками … является наиболее перспективным методом выявления характерных черт и тенденций семантической структуры языка» [1]. Поэтому в сопоставительных исследованиях нельзя ограничиться только выявлением расхождений, одинаково существенно и описание общего, совпадающего.

Целью статьи является определение степени вариативности внутренней формы наименований птиц и растений в русском и английском языках. В качестве материала исследования были отобраны 200 орнитонимов и 200 фитонимов сопоставляемых языков. Для сопоставления наименований птиц и растений русского и английского языков с орнитонимами и фитонимами польского, украинского и французского язы-